

А. П. НОВИКОВА

Вопросно-ответный комплекс как элемент категории диалогичности

(на примере интернет-текстов суицидальной тематики)

Основа теории диалога в отечественном языкознании были заложены Л. В. Щербой, который называл диалог основной речевой формой языка, утверждая, что подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге. Это мнение поддерживали многие известные ученые, в частности В. В. Виноградов¹, М. М. Бахтин². Исследователи едины в определении диалога как лингвистической субстанции, актуализирующей социальную сущность языка, его коммуникативную функцию.

Коммуникация осуществляется в двух формах — устной и письменной. Безусловно взаимодействие этих конструктивных составляющих, имеющих как сходные, так и отличные характеристики. Одной из общих черт указанных форм коммуникации является наличие категории диалогичности, под которой понимается «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакций адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога»³.

Среди маркеров диалогичности текста, кроме цитации, вводных слов, ссылок и т. п., выступает вопросно-ответный комплекс (далее — ВОК). Поскольку ниже пойдет речь о монологических письменных интернет-текстах, то вопросно-ответный комплекс определяется как проблемные вопросы, исходящие от автора / предполагаемого собеседника, на которые отвечает сам автор либо (предположительно) — адресат.

Язык кибертекстов экспрессивен, жанрово и стилистически разнороден, что придает ему коммуникативную привлекательность и вызывает заинтересованность со стороны пользователя Интернета. Повышенное внимание адресата к тексту обеспечивается в том числе наличием элементов диалогичности, в частности жанра вопроса. «Вопрос обладает сильным активизирующим воздействием на слушателя, оживляет речь, привлекая внимание аудитории, пробуждая в ней интерес, инициативу, стремление участвовать в акте коллективного размышления»⁴. Таким образом, использование жанра вопроса

в письменном тексте предполагает его социальную значимость и целеустановку автора на обратную связь.

Интернет-тексту свойственна фрагментарная композиция. Чаще абзац начинается повествовательной конструкцией; после высказывания определенного взгляда автор формулирует вопрос, который является следствием ранее сказанного и отсюда — развитием позиции автора. Иными словами, ответ адресату подсказывается уже опубликованным смыслом: *Единственный способ отвлечь человека от самоубийства — это подтолкнуть к нему. Он никогда вам этого не простит, оставит или отсрочит свое намерение, а вас сочтет врагом и предателем. Вы спешили ему на помощь, желая выфучить, а он видит в вашем порыве презрение и враждебность. Хотя разве сам он не искал вашего одобрения, не просил о поддержке? Чего же он от вас ждал? Или вы неверно истолковали его смятение? И зачем только он к вам обратился!* [www.devilcat.narod.ru].

В вопросно-ответных комплексах монологовых интернет-текстов суицидальной тематики следует выделять коммуникативную и содержательную составляющие.

Коммуникативный аспект ВОК обнаруживает себя прежде всего в таком необходимом элементе любого диалога, как адресат. Воспользуемся специальной классификацией вопросов, разделяющей их на типы именно по данному признаку: делиберативный и риторический вопросы.

Делиберативный вопрос (далее — ДВ) — это «вопрос, адресованный самому себе (выделено нами. — А. Н.), направленный на получение ответной информации от самого себя <...> приглашает к раздумью <...> самого себя. В отличие от риторического вопроса он не содержит ни категорических утверждений, ни категорических отрицаний. Адресат делиберативного вопроса (то есть сам говорящий, пишущий) может быть назван непосредственно, но может подсказываться и самой ситуацией речи»⁵, как в следующем примере: *А что делаю я среди всего этого?* [www.rulinet.ru].

Основная функция риторического вопроса (далее — РВ) состоит в том, что он «изображает сомнения или раздумья говорящего и одновременно сообщает о результатах этих раздумий или хотя бы намекает на них. Риторический вопрос может быть адресован конкретному собеседнику или не иметь адресата (?)»⁶; например: *Кто из нас не думал о суициде? Это риторический вопрос, потому что о суициде думали многие, если не все* [www.oreol.info].

Указанные типы вопросов могут быть представлены как единичные, так и в составе гипофоры — «отрезок монологической речи, объединяющий риторический вопрос, делиберативный вопрос (или серию вопросов)»⁷. Например: *А для чего я вообще пригоден?* (ДВ) *Для злости и неутолимого чувства ненависти и мести?* (РВ) *Для чего Мир дал мне силы и разум?* (ДВ) *Для добра ли я живу?* *А может, я посланник Хаоса?* (РВ) *И зачем подобные мысли бушуют в моем воспаленном сознании...* (в конце риторической конструкции отсутствует вопросительный знак) [www.rulinet.ru].

В вопросительных конструкциях интернет-текстов константно присутствует адресат. Адресная ориентированность вопросов задана предпочтением автора и проявляется в выборе номинации реципиента, образ которого говорящему предельно ясен. При этом часто наблюдается сокращение коммуникативной дистанции между адресантом и адресатом до степени интимной сопричастности⁸ (от *вы* к *мы*-инклюзивному⁹). Для подтверждения сказанного опишем основные типы адресатов вопросно-ответного комплекса в порядке увеличения степени близости, присоединенности к авторскому субъекту:

— Лицо/ группа лиц, к которому (-ым) автор обращается на *вы*, тем самым обозначая определенную социальную и коммуникативную дистанцию («чужая» аудитория): *Вот вы, люди, должны знать-то, к чему все это?* [www.rulinet.ru];

А *Вы* думаете, что большинство людей посягают на свою жизнь потому, что «жизнь пуста»? [www.litkonkurs.ru].

Автор, ощущающий себя более полно владеющим информацией, занимает доминирующую позицию. Фактически он призывает адресата реализовать некоторые действия (*сможете найти, сможете объяснить*), актуализирует его знания (*должны знать-то, думаете*) и даже иронизирует, сомневаясь в возможностях оппонента (*должны знать-то; А Вы думаете*).

— Квазиконкретный адресат, обращение к которому происходит в доверительном тоне личного местоимения единственного числа («своя» аудитория): *Ты уверен, что завершил свои дела?*¹⁰ *Ты уверен, что выполнил свою задачу? Ты уверен, что сделал все, что смог сделать? Ты уверен, что готов уйти?* [www.lossofsoul.com] (экспрессивность усиливается за счет анафоры, придавая тексту плакатный пафос); *Твоя жизнь — это единственно, что ты имеешь. Понимаешь?* (определенно-личное предложение со сказуемым в форме 2-го лица) [www.lossofsoul.com].

— Автор+адресат (мы-инклюзивное); говорящий включает себя в коммуникативный хронотоп слушающего («интимная» аудитория): *Кто из нас не думал о суициде?* [www.oreol.info]; *К чему мы так страдаем друг из-за друга?* [www.rulinet.ru].

Говорящий отождествляет свои проблемы и проблемы адресата, возможно, в некоторых случаях усугубляя глубину внутреннего конфликта слушающего. Подобным образом происходит, например, при усилении эмоциональной составляющей (наречие *так*) в выражении *мы так страдаем*.

— Автор в ситуации автокоммуникации, репрезентирующий себя через местоимение я (собственно автор): *Я живу? Я ненавижу себя за это... Я ненавижу свою мать, за то, что она родила меня... Я просил об этом? НЕТ!* [www.dominus.agava.ru]; *А что делаю я среди всего этого?* [www.rulinet.ru]; *Почему я до сих пор не сделал это?* [www.lossofsoul.com]; *Вот чего я хочу?* [www.rulinet.ru]; *Раз мой удел страдание, то почему, спрашивается, я все время пытаюсь представить себе совсем иную судьбу и почему так злость,*

на то, что никак не потеряю «чувствительность»? [www.devilcat.narod.ru].

Как видно из примеров, в вопросительных конструкциях достаточно разнообразно представлены основные системы человека¹¹: образ автора дополняется предикатами с экзистенциальной семантикой (*живу, делаю* в контекстуальном значении *зачем живу?*), семантикой речи (*просил*), действия (*сделал*), желания (*хочу*), физиологической реакции (*потеряю чувствительность*), эмоции (*злость, ненавижу*), мышления (*пытаюсь представить*).

Перейдем к рассмотрению содержательного аспекта ВОК. Коммуникативная и содержательная составляющие жанра вопроса, безусловно, взаимосвязаны. «Любой вопрос основан на каком-либо знании. Формулируя вопрос, спрашивающий тем самым хочет уточнить это знание, дополнить и углубить его <...> Информация, на которой основан вопрос и которая так или иначе в нем содержится, называется **матрицей (предпосылкой) вопроса**. Информация, на отсутствие которой указывается в вопросе, называется **неизвестной переменной вопроса** <...> По характеру информации, на отсутствие которой указывает вопрос, выделяют *ли-вопросы* и *что-вопросы*»¹². Фактически автор цитируемой статьи предлагает типологию вопросительных конструкций, построенную на содержательном основании.

Ли-вопрос бывает информативным: *а это правда, что если ввести в вену пять кубиков воздуха, то можно умереть?* (частица *ли* присутствует имплицитно: *правда [ли]*) [www.linux.org.ru], но, как правило, авторы текстовых файлов суицидальной тематики предпочитают риторические *ли-вопросы*; например: *Есть ли у меня надежда на светлое будущее?* [www.rulinet.ru]; *интересно, а будет ли кто-то плакать по мне?* [www.litkonkurs.ru]; *Суицид... Это ли решение всех проблем?* [www.oreol.info].

Ли-вопросы предполагают односложный ответ («да»/«нет») или признание адресатом незнания истинности/неистинности инфор-

мации, заключенной в матрице вопроса («не знаю»): фактически от адресата требуется квалифицировать достоверность содержащейся в вопросе информации. Риторический ли-вопрос указывает на позицию участников коммуникации, констатирует некий факт, содержащийся в тексте или в presupпозиции. Для усиления воздействия на адресата автор использует позиционно-лексический повтор, например: *Готов ли я к будущему? Готов ли я к тому, что ждет меня?* [www.rulinet.ru]; *Сможете ли вы найти нужные слова, сможете ли вы объяснить, что жить все-таки стоит? А если сможете, не будет ли этот человек проклинать вас всю оставшуюся жизнь? Нужно ли это ему? Но в первую очередь — нужно ли это Вам?* [www.lossofsoul.com].

Кроме ли-вопросов, автор формулирует вопросы, более сложные для ответа. Для их построения «используются разные вопросительные слова, указывающие на характер запрашиваемой информации (знания)»¹³. *Что-вопросы* требуют восполнить смысловую лауну или дополнить уже имеющуюся информацию, поэтому говорящий не использует риторические конструкции. *Что-вопрос* формулируется

— как делиберативный (адресатом является сам автор): *НО ПОЧЕМУ Я ДОЛЖЕН ОТБЫВАТЬ ПОЖИЗНЕННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ЖИЗНИ???* [www.dominus.agava.ru]; *Почему я не кончаю с собой? Если бы я точно знал, почему, то больше не задавал бы вопросов, потому что уже ответил бы на все* [devilcat.narod.ru];

— как прямой информативный (адресован всем участникам речевого акта): *Эпоха пробуждения ото сна. Когда же она наступит?* [www.rulinet.ru]; *Я неоднократно спрашивала у своих пациентов, почему они выбрали именно этот способ. Откуда это стремление к самоистязанию у русских?* [www.user.lvs.ru].

Коммуникативная система Интернета часто делает невозможным получение автором текста информации на задаваемый вопрос извне. Поскольку текстовый файл может

быть не в формате чата (непосредственно диалогового текста), автор *что-вопроса* остается без ответа. Однако можно предположить, что адресат все же рефлексировал в форме монологической ответной реакции. Такая рефлексия будет опасной, если автор суицидального текста не отвергает самоубийство как деструктивный акт, а наоборот, рекламирует его, апеллируя к популярности данного информационного ресурса, например: *Самым крупным и известным сайтом для самоубийц Wired называет alt.suicide.holiday, сокращенно a.s.b, что можно перевести, как «прах» <...> интересно, почему его до сих пор не закрыли?* [www.voffka.com].

Возможные размышления адресата, спровоцированные вышеуказанным вопросом, могут вызвать желание слушающего ознакомиться с названным сайтом и убедиться в едва ли не легитимном характере информационных ресурсов суицидальной тематики.

В плане ответной реакции *что-вопросы* являются открытыми (в отличие от закрытых *ли-вопросов*): их смысл неоднозначен, поэтому ответы на такие вопросы даются в свободной форме. Конструктивно «ситуацию» возможно «прояснить» в устном диалоге при непосредственном участии коммуникантов, но в случае с интернет-текстами, повторимся, «прояснение» затрудняется отсутствием обратной связи. Отсюда можно предположить некоторую опасность использования автором открытых вопросов в текстах суицидальной тематики.

Итак, в текстовых файлах суицидальной тематики реализуется категория диалогичности через использование авторами текстов разнообразных вопросительных конструкций. Они активизируют заинтересованность и заостряют внимание адресата на различных аспектах проблемы суицида. Помимо этого, вопросительные конструкции чрезвычайно активизируют установку на вербальную/невербальную рефлексивную сторону адресата. С помощью вопросно-ответного комплекса «передается не только логика и даже не столько логика авторской мысли, сколько история поиска решений

в той или иной ситуации, переплетение чувств, «переживания» этой ситуации, последовательность возникающих в процессе мыслительной деятельности предположений, сомнений, возможных ошибок в оценках, заключениях»¹⁴.

С коммуникативных позиций данный комплекс представлен адресатно ориентированными делиберативным и риторическим вопросами. Указанные типы вопросов являются образными приемами и соответственно способами воздействия на реципиента. Автоадресованный делиберативный вопрос направлен на создание доверительной коммуникативной ситуации: автор раскрывает свой внутренний мир, выносит на суд адресата свои интимные чувства и переживания, создает ситуацию особо доверительного общения. Реализация внутреннего «Я» через такую глубоко личную тему, как суицид, вызывает доверие слушающего и тем самым провоцирует ответные размышления на суицидальную тему, что, возможно, приведет адресата к деструктивному решению. Риторический вопрос не менее опасен: он направлен на констатацию некоей информации, содержащейся в тексте, в том числе и поддерживающей суицид. Предугадывая определенный ответ адресата на риторический вопрос, автор в состоянии манипулятивно заместить его императивным высказыванием: *Родился русским? Живи, будь и умри им!* [www.rulinet.ru].

Автор занимает коммуникативно отдаленную позицию по отношению к адресату, общаясь с ним на *вы* («чужая» аудитория), либо максимально идет на сближение, отождествляя слушающего с собой, выстраивая доверительные отношения, стремясь к сопричастности («интимная» аудитория). В последнем случае адресат содержательно

усваивает проблему в том аспекте, который задает ему автор и который может быть опасен для адресата при положительной оценке суицида.

¹ Виноградов В. В. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М., 1963.

² Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М., 1979.

³ *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 45.

⁴ Иванов А. Ф. *Логические и психологические аспекты полемики // Русский язык и культура речи : учебник* / под ред. В. И. Максимова. М., 2005. С. 123.

⁵ Хазагерев Т. Г., Ширина Л. С. *Общая риторика : курс лекций ; Словарь риторических приемов*. Ростов-на-Дону, 1999. С. 222.

⁶ Там же. С. 264–265.

⁷ Там же. С. 219.

⁸ Ким И. Е. *Контроль и причастность в сфере человека и их отражения // Проблемы исторического языкознания и ментальности : сб. науч. статей / Краснояр. гос. ун-т. Вып. 3. Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации*. Красноярск, 1999. С. 68–82.

⁹ Соколовская Н. Н. *Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений // Теория и типология местоимений*. М., 1980. С. 84–103.

¹⁰ Здесь и в дальнейшем авторская орфография сохранена.

¹¹ Апресян Ю. Д. *Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания*. 1995. №1. С. 37–67.

¹² Иванов А. Ф. *Указ. соч.* С. 124.

¹³ Там же. С. 125.

¹⁴ *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. С. 137.